

Е. А. Рыжова

**МОТИВ ВЫБОРА МЕСТА ОСНОВАНИЯ МОНАСТЫРЯ
В РУССКОЙ АГИОГРАФИИ**

Описываются сюжетные мотивы выбора места основания монастыря или обители с помощью чудесных знамений (или видений) в русских агиографических памятниках, в частности топоса «огненного столпа», который играет существенную роль в формировании сакральной монастырской топографии и почитании святого — основателя монастыря.

К л ю ч е в ы е с л о в а: древнерусская литература, агиография, сюжетные мотивы, топос.

В древнерусской книжности в течение XV—XVII вв. сформировался основной корпус агиографических памятников, в которых повествуется о создании монастырей и небольших пустынь. Основу архитектоники подобных произведений составляет композиционный эпизод основания монастыря, а центральным сюжетным мотивом в таких текстах является выбор места основания монастыря¹. Процесс выбора места основания обители, согласно тексту агиографических памятников, практически всегда сопровождался Божественными знаменьями, призванными подчеркнуть сакральность определенного локуса [см., например: Рыжова, 1999, 2003, 2006а, 2006б, 2006в; Руди, 2003, 2004, 2005, 2006; и др.].

Значимым элементом сюжетного мотива «выбор места основания монастыря с помощью чудесных знамений» в ряде житий основателей монастырей является описание знамений в виде огненного столпа. Знаменья, связанные с символикой света, наиболее часто встречаются в агиографической традиции, что несомненно обусловлено традиционным для христианской культуры осмыслением света и светоносности как проявления Божественного начала [см.: Руди, 2004, 213, *примеч. 11*].

Истоки сюжетного мотива выбора места основания монастыря с помощью чудесных знамений следует искать в житиях раннехристианских подвижников, в которых нашла свое отражение традиция основания монастыря или храма на особом, согласно Божественному провидению, месте. На существование в русских агиографических памятниках «общих мест», заимствованных из переводной литературы, указывал в свое время Хр. Лопарев. Он писал о том, что для древнейших греческих житий VIII—IX вв. существовал определенный набор топосов, который автоматически был перенесен на русскую почву в связи с многочисленными переводами памятников византийской и греческой агиографии. Византия воспринималась «лабораторией агиографической письменности» [Лопарев, 1914, 39].

---

¹ В современной медиевистике сложилась традиция рассматривать термин «топос» в расширенном значении и определять его как любой повторяющийся элемент текста, в качестве которого могут выступать отдельные устойчивые литературные формулы, мотивы, сюжеты или идеи. Библиография по данному вопросу приведена в статье Т. Р. Руди [2005, 59—64]. В нашем исследовании термины «топос», «мотив» и «сюжет» иерархически разграничиваются: под м о т и в о м понимается простейшая повествовательная единица, характеризующаяся общностью и повторяемостью; комбинация (или комплекс) мотивов организует с ю ж е т [Веселовский, 1989, 300—306]; т о п о с в данном случае определяется как устойчивая стилистическая формула, являющаяся элементом мотива.

В житиях раннехристианских подвижников тоpos «огненный столп» является сакральной материализацией духовного совершенства святого [см.: Руди, 2004, 221—227]. Святость Василия Великого проявляется в виде огненного столпа, уходящего в небо: «Слышав же Ефрем блаженный, въ пустыни сый, ова просвѣщениемъ Святаго Духа и въпрошания увѣдовая, ова же от любви нашего Василия, прилѣжно Бога моляше открыти ему, каковъ есть Великий Василий, и увидѣвъ столпъ огнень, его же глава досязаниемъ до небес (здесь и далее в цитатах выделено нами. — *Е. Р.*), и глас свыше, глаголай: “Ефреме, Ефреме! Имже образомъ видѣ столпа огненаго, каковъ есть Великий Василий”» (Повесть о Ефреме Сирине и Василии Великом) [РНБ, собр. Титова, № 2687, л. 192 об.—193]. Огненный столп показывает Григорию Омиритскому место, где находится другой святой: «...възождаашеся къ глубочайшей горѣ дойти, увѣдѣвъ тамо живуша мужа, пророчьскаго дара испльнена, и якоже вънутрь горы бысть — о дивьство чудеси! — зрить столпъ огнянь, горящъ съ небеси на въздусѣ...» (Житие Григория Омиритского) [Великие Минеи Чети, стб. 1208—1209].

Символика света многофункциональна в патериковых рассказах, однако всегда светоносность предстает сакральным атрибутом подвижников. Свет может указывать на мощи подвижника [см.: Синайский патерик, 1967, 155—157]. Огонь часто исходит над затвором особо благочестивого старца [Там же, 125—127]. Огненный столп прообразует значимые события в жизни святого: авва Ефрем во сне увидел огненный столп над спящим епископом, что предвещало тому стать главой Антиохийской церкви [Синайский патерик, 1967, 82].

Одним из сочинений, получивших широкое распространение в древнерусской книжности и использовавшихся древнерусскими агиографами в качестве текстуального и духовного образца, было Житие Саввы Освященного. Написанное в VI в. византийским агиографом Кириллом Скифопольским, а затем переведенное на болгарский язык, оно не позднее второй половины XI в. стало известно на Руси [см.: Творогов, 1987]. В Житии Саввы Освященного рассказывается о двух чудесных видениях, которые предшествовали основанию лавры и храма в честь Богородицы: Савве указал место для основания обители явившийся ему ангел Господен, затем ночное видение огненного столпа, уходящего в небо, предопределило возведение богородичного храма («...посреди обою церкви столп огнень стоящъ на земли, его же верхъ вмѣщашеся въ небо» [Леннгрен, 2002, 386—387]). В русской традиции упоминается, как правило, только об одном из двух этих знамений — о появлении огненного столпа. Об этом видении рассказывается, например, в «Хождении игумена Даниила»: «Посредѣ же кѣлей техъ к западу лицъ, ту пещера дивна под скалоу каменую, и в той пещере церкви святыя Богородица. И ту пещеру показа Богъ святому Савѣ столпом огненым, преже живушу ему единому в потоцѣ том. И есть же первая келия святаго Савы, идеже жилъ един, подалъ отъ лавры нынѣшняя, яко полверсты вдалѣ. И оттуда показа ему Богъ столпом огненым над мѣстом тѣмъ святым, идѣже есть нынѣ лавра святаго Савы. И есть дивно мѣсто и несказанно отнудъ» [Хождение игумена Даниила, 1997, 60]. Об огненном столпе как сакральном знаке для основания монастыря со ссылкой на Житие Саввы Освященного повествуется и в ранней русской агиографии — в Житии Феодосия Печерского: «И се пакы подобно есть рещи, еже яко пишеться таково о святѣмъ

и велицѣмъ Савѣ. Се бо въ едину ночь такоже тому шьдѣшу ис келия своя и молящюся, и се показася тому стѣльпъ огнь до небесе сущъ. Таче потомъ, якоже дошдѣ мѣста того, и обрѣте въ немъ пещеру, и ту тако въ мало дньий сътвори монастырь славень» [Житие Феодосия Печерского, 1997, 416].

Мотив появления светящегося столпа над местом будущего монастыря получил впоследствии, как отмечает Т. Р. Руди, широкое распространение в русской агиографии [см.: Руди, 2004, 214—215]. В качестве примера исследовательница ссылается на Жития Кирилла Новоезерского и Адриана и Ферапонта Монзенских [см.: Там же, 215, примеч. 22 и 23].

Этот ряд можно продолжить. Как повествуется в Житии Кирилла Челмогорского, пребывающему на Челме-горе Кириллу является уходящий в небо огненный столп, знаменуя богоизбранность данного места («...явися преподобному Кирилу ст о л п ъ огнь от земли даже до небеси сияющъ...» [ГИМ, Музейское собр., № 1510, л. 131—131 об.]).

Появление огненного столпа предрекло Мартирию основание Троицкой Зеленецкой пустыни в Обонежской пятине, в 70 километрах на северо-запад от Тихвина. Находясь в Тихвинском монастыре Успения Богородицы, Мартирий видел огненный столп и венчающий его образ Богородицы («...и видѣ во снѣ во странѣ той, иже к Тихфинѣ, столпъ огнь стоящъ. У столпа же того бѣ в высотѣ образ Пресвятыя Богородицы, подобенъ Тихфинския, мѣрою же образ той зѣло пространенъ сему подобенъ, иже на Тихфинѣ в соборной церкви на лѣвом столпѣ стоит, аки бы сей и явися» [цит. по: Крушельницкая, 1996, 308]). Во время одного из своих посещений монастыря местный житель Иосиф Буборин также рассказал о возникновении над обителью огненного столпа («...в пустыни сей столпъ огнь от земли и до небеси, из столпа же онога рука простерта, аки челоуѣча, из неяже искры огненныя исхождаху, видѣх...» [Там же, 315]).

Как пишется в Житии Макария, основателя Высокоозерского монастыря в Новгородской епархии, чудесный глас и огненный столп указали святому место для возведения монастыря. Житие Макария Высокоозерского в настоящее время не обнаружено, отдельные фрагменты из него пересказывает в своей публикации Е. Барсов: «9-го июня, в день памяти преподобного Кирилла, Макарий по всенощном бдении возвращался в свою келию. Вдруг озарил его великий свет, он пал на землю и услышал глас, повелевавший идти на запад, где уготовано для него место и венец преподобномученика. Макарий встал и на западе увидел огненный столп, восхитивший от земли до неба... Через несколько времени пришел Макарий на озеро Высокое, что в Виноцкой области. Подвижник обошел озеро, нашел вблизи другое, ниже его, и решил осушить то место, на котором еще горел чудесный столп. На горе между озерами поставил он небольшую хижину начал проводить канал из одного озера в другое. Семь лет трудился он один, и когда дело приведено было к концу, на месте видения показалась возвышенность. На ней-то Макарий соорудил церковь Обновления храма Воскресения Христова и устроил обитель Высокоозерскую, 1680 г., в царствование Иоанна и Петра Алексеевича» [Барсов, 1869, 67].

Согласно Житию новгородского святого Ксенофонта Робейского, основанию Хутынского и Дымского монастырей предшествовало чудесное появление двух огненных столпов, разных по величине: «...огненный столпъ отъ небеси про-

тязаящийся до самыя земли» и «...второй столп огненный величиною въ половину перваго. А на конецъ видения — дымъ мрачный, окружающъ и покрывающъ самое то место» [цит. по: Бобров, 1997, 266—268]. В данном случае перед нами художественно-символическое описание истории двух новгородских монастырей — Хутынского и Дымского. Разные по величине огненные столпы, явленные в чудесном видении (второй вполнину меньше первого), показывают значимость и величину основанных Варлаамом Хутынским и выходцем из этого монастыря Антонием Дымским обителей: Варлаамов монастырь превосходил по своим размерам, численности братии и духовному влиянию обитель Антония Дымского. Упоминание о мрачном дыме, застилающем в конце видения оба столпа, символически предрекает разорение новгородских монастырей во время нашествия татар и шведов в XV и XVII вв. Известно, что Дымский монастырь дважды был сильно разрушен: в 1409 г. во время нашествия татар и в Смутное время, в 1611 г., когда Новгородская земля подверглась нашествию шведов [см.: Православные русские обители, 1994, 120—121; Белоброва, 1997, 284]. Хутынский монастырь пострадал от шведов в Смутное время [см.: Православные русские обители, 1994, 138; Бобров, 2001, 115—117].

В русской агиографии встречается разнообразие форм осмысления топоса огненного столпа, наряду с которым, как показывают наблюдения, имели хождение в русской рукописно-книжной традиции семантически тождественные ему топосы «великий свет», «луч света», «луч солнца» и др. [см.: Рыжова, 2008а].

Уже в Житии Феодосия Печерского автор вводит топос «велика пламени» и огненной дуги-«комары»: именно они указывают в видениях место, куда был впоследствии перенесен уже основанный Печерский монастырь [Житие Феодосия Печерского, 1997, 414, 416].

Топос луча света, который указывает место основания обители, присущ средневековой русской литературе в целом. Так, например, в качестве сюжетобразующего элемента он встречается во всех известных редакциях Повести о Тверском отроче монастыре. Луч света указывает место иноческого вселения Варлааму Хутынскому: «Прииде на мѣсто, идѣже нынѣ монастырь стоитъ, и видѣ лучю велию на мѣсте томъ» (Житие Варлаама Хутынского) [РГБ, Музейное собр., ф. 178, № 9423, л. 4 об.—5]. Чудесный «лучь солнечный» и «свѣтъ велий» отмечают в дебрях леса основание будущей Комельской обители: «...почивъ на томъ мѣсте, видить лучь солнечный и свѣтъ велий сияющъ близъ рѣки Кохтыша, идѣже нынѣ честный монастырь его стоитъ» (Житие Арсения Комельского) [БАН, собр. Археографической комиссии, № 238, XIX в. л. 3—3 об.].

В некоторых житиях подвижников Северного края образ огненного столпа или света, проявляя создание прославленной Богом обители, соединяется с образом парящего в воздухе храма. Луч света и парящая в воздухе церковь являются знаками для старца Зосимы, указывающими место основания Соловецкого монастыря: «...исшедшу рабу Божию Зосимы изъ шатра, и нѣкуему видѣнню явльшуся ему страшну — лучю пресвѣтлу, просвѣщающу его и осиянию божествену осившу мѣсто. И къ востоку възрѣвшу ему от ужаста многи, и видѣ церковь превелику и зѣло простерту на воздуси, прекрасну» [цит. по: Минеева, 2001, 19]. Заимствование топосов парящей в воздухе церкви и большого пламени из Жития Зосимы и Савватия Соловецких мы обнаружили в Повести об основании мона-

стыря в Кулаковской Слуде. Ориентация автора Повести на Житие Зосимы и Савватия Соловецких вполне закономерна, поскольку в произведении говорится о возведении на реке Двине в области Устюга Великого храма в честь Зосимы и Савватия [см.: Буланин, 2004]. Создание храма, как описывается в произведении, сопровождалось явлениями Зосимы и Савватия строителям, которым они неоднократно давали рекомендации по выбору правильного места для возведения церкви. В одном из видений строитель белец Григорий увидел на месте церкви огромное, восходящее до небес пламя, а сам храм — парящим в воздухе над пламенем: «И внегда сомже вѣжди своя, видить внезапно преждереченное мѣсто, на немже созидають новообложенный храм преподобных отецъ Зосимѣ и Савватию, Соловецким чудотворцем, оба пола храма того мѣсто все огнемъ палимо и пламень восхождаше до облакъ. И паки видѣ выспрѣ на востоцѣ превыше пламени церковь велию, на воздухѣ стоящу» [цит. по: Минеева, 2001, 486—497].

В Житии Никодима Кожеозерского рассказ о чудесном явлении святого, который спасает от «гладных и потопных смертей» во время зимнего промысла некоего пятидесятника, сопровождается описанием парящей в воздухе пятиглавой церкви: «И мало восклонихся опочити. Солнцу же велми сияюшу, абие внезапно узрѣхъ нѣкоего старца, при возглавии моемъ стояща и церковь на воздухѣ стоящу о пяти главах...» [РНБ, Соловецкое собр., № 182/182, XVIII в., л. 71—71 об.]. Видения церкви, парящей над землей, по нашим наблюдениям, связаны в поздней рукописно-книжной традиции с сакральной монастырской топографией. Так, в Летописце Антониево-Сийского монастыря от 4 октября 1679 г. приводится описание вознесения монастырских церквей над лесом: «Того же года шли съ Емецкого два брата Феодосьевы, дѣти Смолина, Авдѣй з братомъ, и видѣли Сийской монастырь и церкви выше лѣсу, да в Мѣландовской волости о то же время видяль Герасимовъ сынъ Кожевниковъ Сийской монастырь выше лѣсу церкви» [БАН, Архангельское собр., № 186, л. 209]. В Летописец Антониево-Сийского монастыря попало также описание необыкновенного природного видения — белого столпа, простирающегося от небес до земли: «179-го [1670] декабря 12 день бысть столпъ с небеси на землю промеж шелоникомъ и лѣтом, видѣниемъ бѣль» [Там же, л. 105 об.].

Возможным источником образа венчающего огненный столп храма или парящего в воздухе храма явилось для северно-русских агиографов Житие Феодосия Печерского. Напомним, что подобные чудесные видения в Житии Феодосия Печерского были явлены разбойникам, желающим ограбить церковь, в одном из которых церковь вознеслась до неба («Таче яко приидоша, и се вънезапу чудо бысть страшно: отъ земля бо възятя църкы и съ сущиими въ ней възиде на въздухѣ, яко не мощи имъ дострѣлити ея» [Житие Феодосия Печерского, 1997, 400]). Храм, парящий под облаками, видел боярин князя Изяслава: «Яздящю тому нѣколи въ нощи на поли, яко 15 поприщѣ от монастыря блаженааго. И се видѣ църквь у облака сущу...» [Там же].

Чудесные видения, подтверждающие богоизбранность места, могли быть явлены не только подвижникам — основателям монастырей, но и местным жителям: задолго до прихода святых те видели огненные столпы, лучи света, молящихся иноков, слышали звоны, чудесные гласы, божественное пение и т. п. О небывалых явлениях на месте будущего монастыря рассказал Трифону Вятскому «начальный человекъ» ос-

тяк Зевендук: «...Видѣхъ бо многажды противу мѣста сего овогда яко дымъ и пара отъ земли къ высотѣ восхождаше, овогда же столпъ огненъ стояше» [БАН, Вятское собр., № 139, XIX в., л. 15—15 об.]. Правильность выбранного для обители места подтверждает в Житии Александра Ошевенского отец святого Александра Никифор, поскольку он сам и другие местные жители неоднократно видели на этом месте чудесные явления [РНБ, собр. Соловецкого монастыря, № 992/1101, XVII в., л. 64—64 об.]. В житийном Иоанно-Прокопиевском цикле под 1548 г. повествуется о нескольких чудесных знамениях в Борисоглебском монастыре на месте будущего храма в честь Прокопия Устюжского [см.: РГБ, Музейное собр., ф. 178, № 1395, л. 44]. Свидетелями этих знамений были местные жители и священники («бѣ бо он тутошней житель, помѣстною бесѣдою сказавшей нашей худости»), которые прежде видели на месте храма «пламень огня превеликъ горя не единою бо, ни дважды, но многажды» [Там же, л. 44 об.]. А «истовая вдовица» сообщила другое «нѣкое видѣние христоролииво»: «я вися свѣт пречюден — свѣща горяща, Богом воужжена, посреди монастыря святых мученик Бориса и Глѣба, лучу пресвѣтлу божественному осиявшу Богомъ возлюбленное то мѣсто святое, назнаменуя Господь Богъ создатися святѣй церкви на том святѣм мѣсте. Свѣт просвѣтися от божественаго того огня и Богом воужженыя тоя свѣщи, аки солнечною свѣтлостію однян...» [Там же, л. 44 об.—46].

Следует обратить внимание еще на одну особенность данных описаний: как правило, авторы указывают, что при приближении человека к месту видения оно пропадает. Подобный эпизод находится в Житии Кирилла Белозерского: окрестные жители и земледелец Исая неоднократно слышали звон и божественное пение на том месте, где впоследствии был основан Кирилло-Белозерский монастырь, однако при приближении к этому месту все исчезает: «Тѣмже и прихождааху мнози въ время звона, хотяще извѣстно увѣдѣти, откуда звони и пѣсни. Но сиа ушесы слышаху и очима же ничтоже можаху видѣти, но токмо дивляхуся и не просту вещь познаваху» (глава «О пришествии святого на Бѣлоезеро») [Житие Кирилла Белозерского, 1999, 150]². Житие Кирилла Белозерского, вероятно, явилось источником данного сюжетного эпизода, как и многих других, для автора Жития Александра Свирского: благочестивый охотник Андрей Завалишин заблаговременно на месте будущей Троицкой обители видел огненный столп, сияющую зарю, восходящий от земли к небу дым («...и видѣхъ же многажды прямо мѣста сего овогда, яко столпъ огненъ стоящъ, овогда же яко и зарю нѣкаку божествену сияющую, а иногда же яко дым от земля к высотѣ въсхождаше» [цит. по: Житие Александра Свирского, 2002, 49—50]), однако всякий раз ему не удавалось дойти до того места, где он наблюдал чудесные знамения.

Главу из Жития Александра Свирского о приходе к святому Андрея Завалишина близко к тексту первоисточника переработал автор Жития Ефрема Перекомского, в

² В северно-русской традиции бытуют многочисленные предания о безуспешных поисках кладов, в которых описывается, как знающие место захоронения не могут его получить: клад не дается в руки. Тексты преданий см.: [Криничная, 1991, № 109, с. 68—69; № 152, 83; № 156, 85—86; № 157, 86; № 161, 88; № 173, 98—99; № 222, 126—127; № 229, 129—130; № 249, 140—141; № 272, 153—154; № 273, 154; № 274, 155; № 324, 177; примеч. 157].

том числе заимствовав и рассказ о прообразующих основание монастыря видениях [цит. по: Федотова, 2001, 173—174].

Соединение двух мотивов (чудесные знамения на месте будущей обители) и исчезновение чудесного видения при приближении к нему) дважды встречается в Повести об основании Лебяжьей пустыни в Каргопольском уезде: сначала об этом рассказывают местные жители («...видели свѣтъ велий, а иногда многия свѣщи и горящия и гласы поющих, и звоны, яко в колоколы звонять во многия. И егда на мѣсто близ сосны приидут, тогда свѣтъ явльшися отъидет, и свѣщи, и звоны, и пѣние престанет и не слышится никому...» [ГИМ, собр. Барсова, № 943, XVIII в., л. 2—3]), а затем — один из главных действующих лиц произведения пастух Иоанн Казбала («...иногда вижу издалеца свѣтъ великой, а иногда на мѣсте томъ свѣщи многия горять, а иногда слышу звонъ колокольной, а иногда слышу дьяковъ поющихъ. И какъ ближе приидя — все потаится...» [Там же]).

В русской агиографии приводятся и иные примеры функционально-сюжетного использования топоса светящегося столпа и его различных вариантов. Огненный столп указывает на не обретенные еще мощи святого, на сакральные предметы, связанные со святым; его появление может свидетельствовать о смерти подвижника [см.: Руди, 2004, 213, 214, примеч. 18 и 19].

Различные «светозарные» знамения возникают над чудотворными мощами устроителей монастырей. Огненные столпы и багряновидную плащаницу видят над мощами начальных старцев Соловецкого монастыря Зосимы и Савватия. Об огненной плащанице повествуется в одном из чудес Первоначальной редакции Жития Зосимы и Савватия Соловецких (видение в храме Спаса на Соловках): «...абие узрѣхъ от востока яко плащаницу огнену, по воздуху летающую, и прииде до гробницы отца нашего Зосимы, невидима бысть» [цит. по: Минеева, 2001, 53]. В описании этого же чуда в 1-й Стилистической редакции памятника помимо огненной плащаницы над гробницей Зосимы окружающие видят еще и «знамение нѣкое на краи острова того, яко бы два столпа багровидны, не вельми великы» [Там же, 119]. О явлении огненных столпов над гробницами Зосимы и Савватия Соловецких рассказывается в этой редакции и в чуде «О видѣнии столпов огненныхъ»: когда во время плавания к Соловкам старцу Иосифу пришлось из-за сильного ветра и волнения на море остановиться на несколько дней у острова Кузова, он, поднявшись ночью на гору, увидел два огненных столпа над гробницами святых старцев [см.: Там же, 117].

Анализируя данные чуда, Р. П. Дмитриева отмечает, что «явление огненных столпов от их могил на расстоянии, видимо, характерный знак святости (“знамение”»)» [Дмитриева, 2001, 650].

Огненный столп возникает над мощами святого Иоанна Устюжского: «И паки мощи святаго положиша во гробъ и погребоша и во глубину земли близ соборния и апостольския церкви Пречистыя Богородицы Всечестнаго ея Успения, идѣже изволи и восхотѣ трудитися — ту и скончатися и почивати, тайнаго солнца пламен и столпъ огнен до небеси явися...» [БАН, 45.10.2, л. 217 об.].

Образующийся над нетленными мощами новоявленного чудотворца Сольвычегодского уезда Петра Черевковского огненный столп свидетельствует о святости Петра и понуждает к записи его чудотворений: «Явися над гробом столп ог-

н е н н ы й и пребывая на много час. <...> оттолѣ же бываемая чюдеса и писати начаша. И преста огонь. Егда же отхождаше, паки пламень стояше...» [цит. по: Ромодановская, 2005, 153—159].

Подобное функциональное значение — проявление святости подвижника и созданной им обители — имеет чудесное видение огненного столпа над уже созданным монастырем. Об этом пишет автор Жития Адриана и Ферапонта Монзенских: «И в нѣкое время идушу ему (монастырскому старцу Ипатию. — *Е. Р.*) к монастырю, и абие освѣти его свѣтъ велий. Он же возрѣхъ горе и видѣхъ огонь велий над о в с ѣ м ѣ м ѣ монастыремъ, аки гора, стояше. <...> Слышавъ же Андреанъ и разумѣхъ чюдо преподобнаго Ферапонта, яко о с в ѣ щ а ю щ е м ѣ с т о с в о е» [БАН, собр. Текущих пост., № 217, л. 74].

Использует топос огненного столпа в качестве традиционного подтверждения святости известный книжник, переводчик и писатель XVII в. Епифаний Славинецкий, которому мы атрибутируем «Повесть словеси» о новгородском явленном святом Иакове Боровицком, чьи нетленные мощи чудесным образом приплыли на огромной льдине по реке Мсте против течения к Боровичам. Однако в данном тексте автор противопоставляет данный топос, говоря о том, что Бог может указать на безымянного праведника и иначе — явив его нетленные мощи на воде: «Можаше бо Господь такоже и сего огнемъ столпа свѣтлостию показати, якоже древних святыхъ, нынѣ же водою» [РГБ, собр. ТСЛ, № 667, л. 250 об.]. Примечательно, что в службе святому Иакову Боровицкому образ-символ «пресвѣтлого» столпа использован уже в традиционном значении метафорического именованя праведника: «Радуйся, пр е с в ѣ т л ы й с т о л п е, просвѣщая нас чюдесъ свѣтлостию!» [ГИМ, собр. Уварова, № 395, л. 11 об.].

Символизирует святость подвижника и самовозгорающаяся свеча или лампада у гроба святого. Об этом чудесном событии рассказывается в Житии Корнилия Комельского: местная свеча, дарованная в монастырь Корнилия Комельского после исцеления от гроба святого князем Семеном Ивановичем Гагариным, сама «възжеся» у гроба святого на праздник Рождества Богородицы [РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 28/1267]. В Житии Стефана Комельского в главе «О видении на гробе огня и о написании образа святого Стефана» рассказывается о том, как монастырская братия неоднократно видела над гробом святого «свещи горящу» [см.: Лопарев, 1892, 19]. О чуде самовозжжения лампады у гроба с мощами основателя монастыря Антония Сийского сообщается в Летописце Антониево-Сийского монастыря [см.: БАН, Арханг. собр., № 375, л. 63 об.; БАН, Арханг. собр., № 186, л. 208—208 об.].

Горящая свеча указывает на место захоронения чудотворных мощей в сказаниях и повестях о явленных святых. Она проявляет утерянное место погребения святых Григория и Кассиана Авнежских: «...и абие видѣ по вся ноши, и вечеръ, и утро с в ѣ щ а г о р я щ а, и д ѣ ж е м о щ и с в я т ы х ѣ л ѣ ж а х у. <...> и начат копати землю на оном мѣсте, идѣже свѣща являхуся. Егда же окопавшу ему, обрѣте ту два гроба» [РНБ, ОСРК, Q.I.1211, XVIII в., л. 20 об.—21].

Образ огненного столпа и его различных вариантов, использующийся авторами агиографических памятников, играет важную роль в формировании сакральной монастырской топографии Русского Севера: он выступает в роли сакрального знака, призванного отметить духовно значимое для истории монастыря событие. Как рас-

сказывается в Житии Никифора Важеозерского, солнечный столп появился в версте от Новоезерского монастыря прямо над тем местом, где встретились Кирилл Новоезерский и Никифор Важеозерский: «В это самое время возсиял над ними с о л н е ч н ы й с т о л п , который, д о с т и г а я н е б а , казалось, доносил ему весть о благоговейном свидании двух праведников на земле и обратно низводил на них небесное благословение. Братия, не прекращавшая наблюдений за своим игуменом, увидела это чудное явление — и в память его на самом месте совершения построила часовню» [Барсов, 1869, 57]. Семантическая тождественность и, следовательно, взаимозаменяемость топоса «огненный столп» и топоса «луч света» наблюдаются при сравнении данного эпизода из Жития Никифора Важеозерского с рассказом об этом событии, нашедшем отражение в Житии Кирилла Новоезерского. Здесь говорится уже о сильном свете, который освещал старцев во время их встречи и духовной беседы: «И по скончании молитвы блаженный Кирилль преѣха в челну на сѣверную страну и обрѣте старца на камени жестоцѣ почивающа от путнаго шествия. Блаженный же Кирилль помолися Богу о пришествии старца, и о с и я и х ъ с в ѣ т ѣ в е л и й . <...> Преподобный же Кирилль, проводивъ старца в лодиицѣ малѣ, и отпусти его с миромъ, и на том мѣсте постави крѣсть, и дѣже видѣ свѣтъ, о с и ю щ ь и х ъ » [Житие Кирилла Новоезерского, 2003, 46—47].

В житиях русских подвижников топос огненного столпа может подменять собой символический образ лестницы, широко использующийся в патристической, гимнографической литературе и в иконографии. Одно из чудесных явлений в Житии северно-русского святого Диодора Юрьегорского связано с описанием огненного столпа-лестницы, в котором символически показана монашеская жизнь в Юрьегорской обители. В видении по огненному столпу поднимаются вверх монастырские иноки, причем некоторые из них, срываясь, падают на землю, однако затем вновь стремятся достичь небес: «Потом же в нѣкое время старцу Домияну стоящу на молитвѣ в кѣлии своей и видѣ столпъ от земли и до небесе, якоже мѣдъ бѣлая, у столпа же того висят ключья, а по нем идутъ многая братия. Иннии по сему столпу восходят по ключю до небесъ, и небеса имъ отверзаются, и свѣтъ велий обя ихъ. Паки небеса затворяются. А овии восходятъ по столпу до небесъ, а овии иноцы до половины столпа, и паки падают на землю. И восставъ от земли, восходят паки на столпъ и по немъ идутъ» [БАН, Архангельское собр., № 260, XVII в., посл. четв., л. 26—26 об.]. В данном эпизоде из Жития Диодора Юрьегорского есть определенные соответствия со стихирой на Великой вечерни из службы Антонию Римлянину, ср.: «Собралъ [Антоний Римлянин] еси иночествующих множества и учении своими, яко н ѣ к о ю л ѣ с т в и ц е ю , в о с х о д н о ю н а н ѣ б о , на высоту добродѣтелей возведе» [РНБ, Ф.1., № 729, XVII в., л. 220]. Примечательно, что если в стихире использован образ духовной лестницы, то в Житии Диодора Юрьегорского описана вполне зримая картина восхождения иноков по лестнице духовных добродетелей, на которую, безусловно, оказала значительное влияние иконографическая традиция³.

³ Северные списки икон Лестницы опубликованы в изд.: [Северные письма, 1999, 105]. Мотив лестницы, по ступеням которой подвижник «день ото дня восходит к вершинам добродетельного жития», как отмечает Т. Р. Руди, является одним из «общих мест», присущих житиям преподобных. Автор возводит данный мотив к образу лестницы из одноименной книги Иоанна Синайского [см.: Руди, 2006, 482; см. также: Прохоров, 1979].

Как показали наши наблюдения, в древнерусской агиографической рукописно-книжной традиции происходило активное освоение средневековой литературной топки, что проявляется в использовании в рамках сюжетного мотива выбора места основания монастыря с помощью чудесных знамений топоса огненного столпа. Источником данного топоса является византийская агиография, в первую очередь Житие Саввы Освященного. Бытование топоса в составе рассматриваемого нами сюжетного мотива свидетельствует о разнообразии форм его художественной реализации в древнерусской книжности. Тексты древнерусских агиографических памятников дают примеры разнообразных лексических вариантов топоса «огненный столп», в первую очередь, встречаются «светозарные» и «светоносные» его варианты — «луч света», «луч солнца», «великий свет», «самовозженная свеча», «багряновидная плащаница» и т. п., а также семантически тождественный ему топос «лествица». Весьма характерным для северно-русской агиографии является существование в рамках данного сюжетного мотива топоса «огненный столп, который венчает парящий храм», источниками которого, как выясняется, являются Житие Феодосия Печерского и Житие Зосимы и Савватия Соловецких.

Использование топоса «огненный столп» в агиографических памятниках о создании обителей не только прообразует выбор места для монастыря, но и проявляет святость мощей основателя монастыря, указывает местонахождение мощей святого, отмечает важные для жизни монастыря духовные события, играя, по сути, существенную роль в формировании сакральной монастырской топографии и почитании святого — основателя монастыря.

Барсов Е. Преподобные обонежские пустынножители : материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памят. книжка Олонецкой губернии за 1868—1869 год. Петрозаводск, 1869.

Белоброва О. А. Две редакции жития Антония Дымского // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997.

Бобров А. Г. Житие Ксенофонта Робейского в списке пушкинского времени // Пушкин и др. : сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997.

Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Кн. центры Древней Руси : севернорус. монастыри. СПб., 2001.

Буланин Д. М. Чудеса Зосимы и Савватия Соловецких на Кулаковской Слуде // Слов. книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т—Я. Дополнения.

Великие Минеи Четии, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. М., 1907.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.

Дмитриева Р. П. О чудесах святых, помогающих терпящим бедствие на Белом море (XV—XVII вв.) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2001.

Житие Александра Свирского : текст и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. СПб., 2002.

Житие Кирилла Белозерского / подгот. текста Е. Г. Водолазкина, пер. и коммент. Е. Г. Водолазкина и Г. М. Прохорова // БЛДР. Т. 7. СПб., 1999. С. 132—217.

Житие Кирилла Новоезерского : текст и словоуказатель / под ред. А. С. Герда. СПб. 2003.

Житие Феодосия Печерского / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. Т. 1. СПб., 1997.

Каган М. Д. Иосиф Титов // Слов. книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 : XVII в., ч. 2 : И—О. СПб., 1993.

Криничная Н. А. Предания Русского Севера. СПб., 1991.

Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе : (Жития Филиппа

Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, Сказание Елеазара об Анзерском ските) : исследование и тексты. СПб., 1996.

Лённгрен Т. П. Сборник Нила Сорского. Ч. 2. М., 2002.

Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX веков // Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Ч. 1. Пг., 1914.

Лопарев Х. Житие преподобного Стефана Комельского. СПб., 1892.

Минеева С. В. Рукописная традиция Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких (XVI—XVIII вв.) : в 2 т. Т. 2 : Тексты. М., 2001.

Православные русские обители: полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. СПб., 1994.

Прохоров Г. М. «Лествица» Иоанна Синайского // Слов. книжников и книжности Древней Руси. Л., 1979. Вып. 2 : (Вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2.

Ромодановская Е. К. «Святой из гробницы» : о некоторых особенностях сибирской и севернорусской агиографии // Рус. агиография : Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005.

Руди Т. Р. Средневековая агиографическая топика (принцип *imitatio* и проблемы типологии) // Литература, культура и фольклор славянских народов : XIII Междунар. съезд славистов (Любляна, август 2003) : докл. рос. делегации / отв. ред. Л. И. Сазонова. М., 2003.

Руди Т. Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Рус. агиография : Исследования. Публикации. Poleмика / отв. ред. С. А. Семячко. СПб., 2005.

Руди Т. Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. Т. 57. СПб., 2006.

Рыжова Е. А. Топос «Русь — остров Православия» в сочинениях царевича Иоанна Иоанновича // Православие и русская культура о любви к отечеству : материалы науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1999.

Рыжова Е. А. Сакральная топография Русского Севера : Антониево-Сийский монастырь // Пробл. истории России : на перекрестках эпох и традиций : сб. науч. тр. Вып. 3. Екатеринбург, 2003.

Рыжова Е. А. Сюжетный мотив «поставление креста на месте основания монастыря» в агиографической традиции Русского Севера // От Средневековья к Новому времени : сб. ст. к 80-летию О. А. Белобровой / под ред. М. А. Федотовой. М., 2006.

Рыжова Е. А. Сюжетный мотив «выбор места для основания монастыря с помощью чудесных знамений» в севернорусской агиографии («глас-свет») // Кн. центры Древней Руси : Кирилло-Белозерский монастырь / под ред. С. А. Семячко. СПб., 2008.

Северные письма : каталог (из собр. Архангельского музея изобразительных искусств) / авт.-сост. О. Н. Вешнякова, Т. М. Кольцова. Архангельск, 1999.

Синайский патерик / изд. подгот. В. С. Гольщенко и В. Ф. Дубровина. М., 1967.

Творогов О. В. Житие Саввы Освященного // Слов. книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 : (XI — первая половина XIV века).

Федотова М. А. К вопросу о Житии Ефрема Перекомского // Кн. центры Древней Руси : севернорус. монастыри. СПб., 2001.

Хождение игумена Даниила / подгот. текста, пер. и коммент. Г. М. Прохорова // БЛДР. Т. 4. СПб., 1997.

Хосроев А. Л. Пахомий Великий : (из ранней истории общежит. монашества в Египте). СПб.; Кишинев; Париж, 2004.

Статья поступила в редакцию 6.03.2008 г.